

Что стоит за жадным интересом, с которым наши современники вчитываются в газетные и журнальные публикации о репрессиях 30-х годов, вглядываются в кадры кинохроники тех лет? За этим — стремление узнать правду, всю правду, как бы горька она ни была, ту правду, которую долгое время или вообще замалчивали, или старались говорить о ней вполголоса. Правда эта нужна всем нам, чтобы ни мы, ни потомки наши никогда не могли испытать подобного: ведь история, как заметил один мыслитель, это пророчество, обращенное назад. И еще. Открывать страницы черной книги репрессий нужно уже хотя бы потому, что это единственное, что мы можем сделать для тех, кто пал ее безвинными жертвами.

В одной из недавних публикаций «Советской Абхазии» приводятся такие данные: с июля 1937 по октябрь 1938 года в автономной республике было арестовано 1.186 человек, из которых расстреляно 794 по так называемому делу «О контрреволюционной, диверсионно-вредительской, террористической шпионской организации в Абхазии». Главный и единственный открытый политический судебный процесс проходил с 30 октября по 3 ноября 1937 г. в Сухуми в здании гостеатра «Абхазия».

Страницы «Советской Абхазии» тех дней дают наглядное представление о ходе процесса и той атмосфере массового психоза, которая нагнеталась Берия (он в это время находился в Сухуми и директировал всем действием) и его приспешниками. Выступавшие на суде, журналисты, участники проходивших по всей автономной республике митингов будто соревновались в выражении ненависти и площадной брани. Людей, которые еще недавно пользовались любовью и уважением народа, ослеплено втаптывали в грязь.

Вот что, писала газета 1 ноября 1937 года в редакционной статье «Раздавим фашистскую гадину!»: «Все более и более распутывается омерзительный клубок чудовищных преступлений этой стоглотовой банды фашистских наймитов, вредителей, диверсантов, шпионов и убийц. С клинической откровенностью один из активных участников этой банды В. Ладария рассказывает суду о подлых действиях своей шайки: «Н. Ла-

коба и его сообщники ставили своей основной задачей подрыв народного хозяйства Абхазии, возбуждение недовольства трудящихся масс...». Тут же рядом — короткий репортаж «Уничтожить фашистских наймитов!»: «Гудауты, 31 (Наш спец. корр.). Колхозники и колхозницы анухва-абхазского колхоза им. 14 Октября Гудаутского района собрались вчера на митинг по поводу процесса над шайкой оголтелых бандитов, шпионов, диверсантов, изменников родины, орудовавших в Абхазии. Чувством глубочайшей ненависти и презрения к врагам народа М. Чалмаз, В. Ладария, М. Лакоба и другим контрреволюционерам были проникнуты выступления колхозников. Колхозник Мумджан Погоб в своем выступлении сказал: — Только при Советской власти я увидел светлую радостную жизнь. Эту жизнь дала мне партия большевиков под руководством великого Сталина. Кроважандные фашистские звери — Чалмаз М., Лакоба М., Лакоба В., Инал-ипа К. и другие бандиты из шайки фашистского атамана Н. Лакоба пытались отнять у нас завоевания пролетарской революции. Нет места на земле этим бандитам. Они должны

быть уничтожены. Об этом же говорили выступившие на митинге колхозники Трапш А., Смир Этырь, Багарян Амбар, Курсуа Дурсун, Андреев С., Джамферова». Тут же, на первой полосе, снимок — читка обвинительного заключения по делу «врагов народа» в цехе Сухумской табачной фабрики им. Сталина. Странное чувство испытываешь, вглядыв-

аясь в молодые, красивые лица работниц, которые полукругом расположились перед фотокамерой и глядят на тебя через пятьдесят с лишним лет (большинства их, наверное, и в живых уже нет). Что в этих взглядах — недоумение, растерянность или впрямь гнев на «бандитов и двурушников»? Поди дознайся, пойми... Так же трудно судить сейчас о словах и поступках простых людей, выступавших тогда на митингах и в печати. Кем-то из них двигал, в первую очередь, страх, но большинство, наверное, были все же полностью оболванены бериевской пропагандой. А чьими-то именами, может, просто беззастенчиво воспользовались те, кто стряпал эти публикации. Как бы то ни было, но не поднимается рука привести здесь фамилии тех, чьи подписи стоят под заметками «Враги издевались над колхозниками». «Предатели пытались разрушить колхозы», «Как велась подрывная работа на Ткварчелугле».

Обвинения в адрес «врагов народа» измышлялись одно нелепее другого. В уже упомянутой заметке из Ткварчели читаем: «Чтобы больше взять у государства средств, чтобы сорвать угле-

добычу, эти предатели хищнически осуществляли строительство рудника». Только кто объяснит и докажет, что значит «строить хищнически», а что — «нехищнически». Шло в ход и такое нелепеешее из обвинений: папиросы последнего сорта выпускались на предприятии под названием «Ткварчели», чтобы этим «подорвать авторитет индустриального сердца Абхазии». В то же

технические правила нарушать... А вот слова из показаний другого обвиняемого — бывшего народного комиссара земледелия Абхазии М. Чалмаза — вызовут у современного читателя куда больше доверия: «Вообще ликвидацию кулачества как класса, коллективизацию сельского хозяйства Н. Лакоба и его единомышленники называли «авантюрой». Но разве не

просто переставали адекватно воспринимать действительность. Некоторые во время следствия подписывали все, что им предложат, из тактических соображений надеясь на предстоящий суд... В документальной повести Сурена Газаряна «Это не должно повториться», опубликованной в 6—8 номерах журнала «Литературная Армения» за этот год, ее ав-

тор, прошедший через все круги ада ежовско-бериевских застенков, рассказывает, в частности, о своих встречах в тбилисской тюрьме с Михаилом Лакоба и Михаилом Чалмазом. Одна из глав повести так и названа «Чалмаз». Встретившись с автором повести в одной камере, М. Чалмаз рассуждает:

«— Если бы меня обвиняли в том, что я украл у соседа курицу и съел ее, то у меня было больше оснований для беспокойства. Мне было бы труднее доказать, что я не украл курицу. А меня обвиняют в государственных преступлениях, в том, что я с первого дня установления Советской власти в Грузии и Абхазии занимался антигосударственной, антипартийной, шпионской, диверсионной и черт его знает еще какой деятельностью. — И, конечно, ты должен был убить Берия, — прервал я его.

— Ну, разумеется, в первую очередь. Ты не смейся. Ну скажи, пожалуйста, как же после всего этого не быть совершенно спокойным. Ведь мне не надо никаких доказательств, что все это чепуха. Вся моя жизнь — убедительное тому доказательство. Я уверен, что все

о том, что Чалмаз, Лакоба и все участники так называемого «абхазского дела» были расстреляны. Я узнал о том, что в газетных отчетах об этом «судебном процессе» приводились показания Чалмаза, в которых он рассказывал о своих контрреволюционных преступлениях. Как же так? Ведь он твердо заявлял, что если дело дойдет до суда, то ему нетрудно будет высмеять свои же показания. Почему Чалмаз не сделал этого?»

Рискну высказать предположение, что на этом этапе, который также не исключал пытки, на первый план выдвигался шангаж: «Признайся во всем, не спорь, и спасешь жизни близким». Автор редакционной статьи «Подлейшие из подлых» писал: «Инал-ипа, М. Лакоба, В. Лакоба, Джергеня — эти злейшие враги народа, бандиты с большой дороги с цинизмом рассказывали на суде о целом ряде убийств людей, могущих в той или иной мере помешать фашистской банде в ее гнусных делах. ...Пятаков, Серебряков, Марьясин и другие злейшие враги народа, а также подлые враги народа из грузинского контрреволюционного центра Мгалоблишвили, Буду Мдивани и другие на-

правляли гнусную руку этой банды». Чем ближе была кровавая развязка судебного фарса, тем истеричнее звучало «общественное мнение». Репортаж с митинга «рабочих Очамчирского узла Черноморки», напечатанный под заголовком «Гневный голос железнодорожников», завершался словами: «Мы требуем от пролетарского суда применить к тринадцати взбесившимся псам высшую меру наказания — расстрел. Обязуемся повысить производительность труда, встретить XX годовщину Октябрьской социалистической революции новыми производственными победами», — записали железнодорожники в своей резолюции».

И вот 4 ноября газета сообщила: «Советский суд выполнил волю народа: 10 фашистских псов приговорены к расстрелу, 3 — на разные сроки лишения свободы». Приговор в отношении десяти — В. Ладария, М. Чалмаза, М. Лакоба, В. Лакоба, К. Инал-ипа, Д. Джергеня, С. Туркия, П. Сейсяна, С. Эбнзюу, А. Энгелова, был приведен в исполнение в тот же день, т. е. наавтра после вынесения.

Бросим еще один, последний взгляд на публикации тех дней. Послевоенному поколению читателей их язык, безусловно, напомнит тот, которым изъяснялись в Китае в период «великой культурной революции» 60-х годов (просто с другими аналогами ему не приходилось иметь дело). И «тошнотворная мразь», как обозвал подсудимых в своей речи на суде государственный обвинитель прокурор автономной республики В. Шония, и «разобьем песьи головы ревизионистов», как кричали хунвейбины, — слова из одного и того же ряда. А это — еще одно напоминание о том, что истории свойственно повторяться. И помочь избежать повторения трагических ошибок может только коллективная память людей.

В. ЦАРНЯ

РАНА ДУШИ НЕЗАЖИВАЮЩАЯ

Раздумья над старыми газетными страницами

Советская Абхазия,
31 сентября 1988 г.